

С. А. Адилев

**ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН:
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ
СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ
ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ**

Вопрос о введении в уголовный процесс процессуальной фигуры следственного судьи всегда вызывал научный интерес как в Республике Казахстан, так и в Российской Федерации. Усиление судебного контроля за досудебным расследованием путем расширения состязательного начала уголовного процесса с одновременным повышением авторитета суда как независимого и беспристрастного органа — важнейшее направление реформирования судопроизводства в Казахстане. С учетом опыта российской научной школы и законодательства стран СНГ в республике в 2014 г. принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, основные положения которого приведены в соответствие с общепризнанными мировыми стандартами осуществления правосудия. Одна из таких новелл — введение в уголовный процесс нового участника — следственного судьи. Являясь представителем судебного корпуса, он в то же время дистанцирован от влияния мнений других судей судов общей юрисдикции, поскольку его полномочия ограничены только судебным контролем за досудебным расследованием, и не вправе принимать участие в дальнейшем судебном разбирательстве.

В статье анализируется поэтапное реформирование судебного контроля, начиная с процедур судебного санкционирования ареста судьей общей юрисдикции и заканчивая их заменой оперативным контролем автономного следственного судьи и последующим разграничением компетенций между судебным контролем и прокурорским надзором. Особый акцент делается на сугубо судебном, а не следственном характере возложенных на следственного судью полномочий. Рассматриваются перспективы дальнейших научных изысканий по предложенной тематике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная власть, принципы, функции, прокурорский надзор, оперативный судебный контроль, следственный судья, прокурор, досудебное расследование, полномочия следственного судьи.

S. A. Adilov

**GENESIS OF JUDICIAL POWER IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
BACKGROUND AND PERSPECTIVES
FOR EXPANSION OF JUDICIAL CONTROL
OF INVESTIGATIVE JUDGE FOR THE PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Issue of introducing into the criminal proceeding of the figure of investigative judge to be made a party of the proceeding has always generated scientific interest in the Republic of Kazakhstan and in the Russian Federation, as well. One the most important priorities of proceedings reform in Kazakhstan is strengthening the judicial control of pre-trial proceedings by expanding the principal of controversy of criminal proceeding and raising of court's credibility as of independent and unbiased body. Based on the experience of the Russian school of thought and the experience of legal system of CIS countries, Kazakhstan has adopted a new criminal procedure code in 2014 and its main provisions comply with international standards of delivery of justice. One of the novelties was introducing a new participant into the criminal proceeding — investigative judge. Although, investigative judge is a representative of judicial corps, he/she is distant of the other general jurisdiction judge opinion's influence, since his/her powers and duties are limited by only judicial control of pre-trial proceedings and he/she has no right to take part in further criminal proceeding.

The article provides the analysis of the gradual reform of judicial control, starting with the procedures of judicial sanctioning of arrest by general jurisdiction judge, up to their displacement by the supervisory control of autonomous investigative judge, with further delimiting of judicial control and prosecutor's supervision competences. The emphasis is put on strictly judicial, no the investigative, form of power imposed on the investigative judge. Prospects for further scientific research on the proposed topic are considered.

Key words: criminal proceedings, judicial power, principles, functions, prosecutor's supervision, operative judicial control, investigative judge, prosecutor, pre-trial investigation, powers and duties of investigative judge.

Конституционный принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви (п. 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан), а также построение судопроизводства на основе принципа состязательности, предполагающего четкое разграничение функций обвинения, защиты и разрешения дела по существу (ст. 23 УПК РК), обусловили усиление судебной власти в Казахстане и введение судебного контроля за досудебным расследованием как гарантии обеспечения прав и свобод граждан при осуществлении производства по уголовным делам.

Данные приоритеты в дальнейшем были конкретизированы в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 г., одобренной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. [1].

Провозгласив себя правовым государством, Республика Казахстан приступила к созданию действенного механизма правозащиты своих граждан во всех сферах общественной жизни, включая и уголовное судопроизводство, при котором права граждан наиболее подвержены возможности ограничения.

Как справедливо отмечает Ж. А. Туякбай, «цивилизованный мир выше всего ставит права и свободы человека. И мы должны начать с того, что надо поставить все уголовное правосудие, в его широком, а не усеченном понимании, на обеспечение охраны прав граждан» [2, с. 5]. В государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина главенствующая роль принадлежит судебной защите, которая является наиболее эффективной гарантией прав и свобод личности [3, с. 11]. «Взгляд на суд как на посредника, сдерживающего произвол исполнительной власти в отношении прав граждан, лежит в основании всей теории правового государства. Так как в уголовном процессе исполнительная власть представлена в виде обвинения, то, естественно, что посредническая роль суда находит свое применение и между сторонами...», — отмечал известный русский юрист П. И. Люблинский [4, с. 263]. О необходимости смещения акцента в деятельности правоохранительной системы с внутриведомственных интересов в сторону защиты прав граждан неоднократно упоминал в своих выступлениях и Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев [5].

Таким образом, во главу угла совершенствования уголовного судопроизводства был поставлен приоритет соблюдения прав и свобод человека, обеспечить который обязана

судебная власть, поскольку степень допустимости их ограничения определяется не законодательной или исполнительной, а именно судебной властью. При этом следует признать, что особенность становления уголовно-процессуального законодательства в бывших постсоветских республиках во многом определяется не только традиционными методологическими подходами российской научной школы [2, с. 20], но и общепризнанными международными стандартами осуществления правосудия.

Следует согласиться с утверждением В. В. Дорошкова, что любые действия, направленные на обеспечение безопасности, какими бы важными они не были, не могут ставить исполнителей выше закона. Основная задача правосудия — не властный интерес судебной власти и ее амбиции в области управления обществом, а правовое, судебное влияние на механизм государственной власти и его деятельность в сфере управления обществом [6, с. 100].

Поскольку Казахстан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., вступивший в силу 23 марта 1976 г. [7; 8], уголовно-процессуальное законодательство было приведено в соответствие с этим основополагающим международным документом. Если ранее суд осуществлял свои контрольные функции на судебных стадиях процесса в форме последующего контроля за результатами предварительного следствия, что не влияло непосредственно на законность производства в досудебных стадиях (поскольку речь шла лишь о констатации уже допущенных нарушений закона, а не об их предупреждении), то введение прямого судебного контроля за законностью и обоснованностью реально осуществляемых действий и решений органов предварительного расследования, создающих возможность ограничения прав и свобод граждан, стало основой для построения новой модели уголовного процесса [9, с. 3].

Реформирование судопроизводства в рамках расширения судебного контроля за действиями и решениями, связанными с ограничением конституционных прав и свобод человека (в первую очередь в досудебном производстве), предполагалось проводить поэтапно: санкционирование мер пресечения, санкционирование следственных действий; санкционирование негласных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий [10].

Что же касается действий, ограничивающих право на неприкосновенность жилища, тайны корреспонденции и частной жизни, то в Международном пакте о гражданских и политических правах нет императива на их разрешение исключительно судебными органами, однако такая обязанность предусматривается другими международными актами Организации Объединенных Наций (например, список вопросов, поставленных им перед Албанией 13 августа 2004 г. (81-я сессия КПЧ ООН), или замечания по докладу Гонконга, высказанные в ходе 86-й сессии КПЧ ООН (13—31 марта 2006 г.), и др.). Поэтому данный вопрос решался параллельно с вопросами судебного санкционирования действий и решений органов досудебного расследования, ограничивающих конституционные права и свободы человека.

По мнению В. А. Яковлева, новые полномочия суда, связанные с реализацией его контрольной функции как в форме рассмотрения жалоб на законность и обоснованность действий и решений органов уголовного преследования, так и в форме судебного санкционирования, нацелены на эффективную защиту прав и свобод участников процесса, предупреждение возможных ограничений прав человека и устранение уже допущенных нарушений этих прав, повышая тем самым степень законности деятельности государственных органов и качество расследования преступлений [11, с. 5].

Первый этап реформирования начался с принятия Конституции Республики Казахстан 1995 г., в п. 2 ст. 16 которой было закреплено положение о судебном санкционировании ареста как меры уголовно-процессуального принуждения, тем самым прокурор был лишен полномочий на это ограничение конституционного права [12, с. 84, 85]. По мнению Г. Х. Насырова, данная законодательная новелла — значительный прогресс по сравнению с ранее действовавшим прокурорским санкционированием ареста, поскольку решение принимается независимым и беспристрастным органом, каковым является суд [13, с. 65]. Обусловлено это тем, что судья не отвечает ни за раскрываемость преступлений, ни за качество следствия, он не связан в своей деятельности узковедомственными интересами и обвинительным уклоном [14, с. 161].

В то же время правом судебного санкционирования ареста, в соответствии с ч. 4 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК) 1997 г., наделялся любой судья общей юрисдикции районного и приравненного к нему суда, и в качестве такового обычно выступал дежурный судья. Участие судьи в санкционировании меры пресечения не являлось поводом для его исключения из дальнейшего

производства по этому делу. Отвод предусматривался лишь в случаях рассмотрения им жалобы на решения и действия (бездействие) прокурора, органов следствия, дознания (п. 2 ч. 1 ст. 90 УПК РК 1997 г.). Аналогичная процедура предусматривалась и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г. (ч. 2 ст. 29, ст. 61 УПК РФ). Но по мере реализации новелл УПК РФ процедура судебного санкционирования мер уголовно-процессуального принуждения стала основанием для возникновения как в России, так и в Казахстане другой проблемы — необходимости дистанцирования судьи общей юрисдикции, дающего санкцию на арест, и его автономии от судейского корпуса, рассматривающего дело по существу. Общее мнение высказал российский ученый А. В. Смирнов: «...одной лишь замены „арестного“ судьи при дальнейшем рассмотрении дела его коллегой из соседнего кабинета, одноименного или даже вышестоящего суда, недостаточно, ибо в момент смены судей за... креслом встает тень ведомственного и корпоративного интереса...» [15, с. 273]. Ранее он также указывал на то, что «...несмотря на предварительность и условность судебных выводов на начальных стадиях процесса, они, так или иначе, замыкаются на вопросе виновности. Связанный ими, он становится причастным к уголовному преследованию. Поэтому судебный контроль не может быть непосредственно продолжен правосудием, ибо это превращает состязательность в розыск...» [16, с. 52]. На опасность влияния «внешнего фактора» (характер отношений между судьей, осуществляющим контроль за предварительным расследованием, и судьей, проводящим судебное разбирательство) на «беспристрастность суда» указывала и И. Б. Михайловская [17, с. 127].

С другой стороны, вопрос требовал значительных бюджетных средств для увеличения судейского корпуса, его реорганизации и т. п. Поэтому ряд авторов предлагали передать полномочия по судебному санкционированию ареста специализированным административным судам, не связанным с уголовным судопроизводством [12; 13], либо создать специализированную структуру в судебной системе — следственных судей (судьи по контролю за законностью предварительного расследования) или судебных следователей [18; 19, с. 10; 20, с. 79; 21, с. 21; 22].

Однако, несмотря на отсутствие разногласий по поводу обязательности автономии оперативного судебного контроля за досудебным расследованием, по этому вопросу в научном мире России и Казахстана разгорелась дискуссия о выборе субъекта его осуществления и

возлагаемых на него полномочиях. Суть разногласий отражена в работе Н. Н. Ковтуна, который, проведя скрупулезный анализ имеющихся точек зрения, поставил резонный вопрос: чего именно добиваются авторы предлагаемого реформирования — оптимизации предварительного следствия или оперативного судебного контроля? [22].

Если исходить из первой посылки, то следственный судья выступает как обязательный элемент действия принципа состязательности на досудебных стадиях и на него возлагаются не свойственные суду розыскные (следственные) функции с элементами судебного контроля. В этом случае речь должна идти о судебном следователе, выступающем в качестве субъекта предварительного расследования первой инстанции, призванного исключительно к реализации его непосредственных задач (как это было предусмотрено Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.).

Согласно второй посылке следственный судья выступает как самостоятельный и независимый субъект уголовно-процессуальной деятельности, имеет полномочия, которые носят сугубо судебный (юрисдикционный), а не следственный характер [23, с. 346]. То есть к его компетенции должно относиться решение всех вопросов, связанных с ограничением свободы личности, а также рассмотрение споров, возникающих между сторонами уголовного процесса. При этом цель судебного контроля — защита индивидуальных прав и свобод человека, а цель действующего наряду с ним прокурорского надзора — защита публичного интереса [24].

Мнения ученых разделились. Одни считали, что только процессуальная фигура — следственный судья (судья по предварительному расследованию) — способна беспристрастно и независимо осуществлять функцию судебного контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, прокурора и помочь адвокату стать полноценным участником в процессе доказывания в досудебном производстве [12, с. 83]. Другие предлагали применение континентальной модели реализации состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса, в соответствии с которой судебный следователь без обвинительного и оправдательного уклона объективно собирает и исследует потенциальные доказательства [25, с. 276]. Третьи считали, что «...реформирование предварительного расследования необходимо для создания такой системы, где производство следствия должно проводиться под руководством судебной власти специализированными следственными судьями, которые должны состоять при суде и представлять собой судебную власть...» [26].

С учетом высказанных точек зрения и опыта законодательства бывших союзных республик, избравших путь введения в судопроизводство самостоятельного субъекта судебного контроля, казахстанский законодатель, принимая УПК РК 2014 г., вводит в уголовный процесс нового участника — следственного судью (судью суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 54 УПК РК)).

Анализ полномочий следственного судьи позволяет констатировать, что его деятельность является исключительно юрисдикционной, не имеющей розыскных (следственных) начал, поскольку он не должен предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, а также совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, надзирающего прокурора и суда, рассматривающего дело по существу (ч. 4 ст. 54 УПК РК). Если судья принимал участие в данном уголовном деле как следственный судья, рассматривал жалобы, протесты на постановления следственного судьи, то он не может участвовать в дальнейшем рассмотрении дела по существу, и это является основанием для его отвода (п. 2 ч. 1 ст. 87 УПК РК). Тем самым достигаются независимость и беспристрастность следственного судьи при принятии решений.

Введение фигуры следственного судьи также вносит элемент состязательности в досудебное производство, проявляющейся в том, что суд обязан создавать обеим сторонам — обвинению и защите — равные условия для отстаивания своих процессуальных прав. В рамках этих полномочий, закрепленных в пп. 6—8 ч. 1 ст. 55 УПК РК, следственный судья по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассматривает вопросы:

— об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, в случаях отказа в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение трех суток;

— о назначении экспертизы, если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток;

— о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им

свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно.

Помимо этого адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, вправе ходатайствовать перед следственным судьей о депонировании показаний свидетеля и потерпевшего (п. 1 ч. 3 ст. 70 УПК РК). Данная процедура позволяет снять проблему, связанную со строгим следованием принципу непосредственности судебного разбирательства и правилу об абсолютной доброкачественности исключительно судебных доказательств, на которую в свое время обращал внимание Л. В. Головкин [24, с. 82]. В связи с этим наделяние следственного судьи специальными функциями в сугубо доказательственной сфере свидетельствует о рождении нового института судебного закрепления доказательств в ходе досудебного расследования, поскольку депонирование проводится по правилам судебного разбирательства и полученные показания рассматриваются как судебное доказательство, соответствующее принципу непосредственности, так как лицо допрошено не органом уголовного преследования, а судом (ст. 217 УПК РК).

Представляет интерес и мнение российских ученых. Так, авторы доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации предлагают распространить судебное закрепление доказательств по требованию сторон на все предположительно легитимные доказательства по делу, которые к моменту уголовного судопроизводства могут быть утрачены для процесса доказывания (ст. 1.1 «Следственный судья»), предусмотрев в п. 1 ч. 3 ст. 5.7 «Полномочия следственного судьи», что последний исключительно в целях обеспечения состязательной формы процесса и права сторон на всестороннее и полное установление всех обстоятельств дела и преступления депонирует в ходе досудебного уголовного производства показания свидетелей, потерпевших от преступлений, а также представленные вещи, документы или информацию, находящуюся в телекоммуникационных каналах, — при доказанности утверждений сторон о наличии исключительных обстоятельств испрашиваемой легализации доказательств и невозможности их закрепления иным способом, установленным УПК РФ [27, с. 2, 36]. Между тем, по мнению А. Н. Ахпанова, расширение предмета депонирования может привести к трансформации главного судебного разбирательства в заочное производство, и в связи с этим он предлагает сторонам согласовывать количество таких действий со следственным судьей [28].

Ситуация с депонированием показаний свидетельствует о правильности выводов Л. В.

Головкин о том, что функции суда в рамках осуществления судебного контроля за досудебным расследованием есть категория не статическая, а динамическая. При этом динамика их развития, безусловно, должна быть предопределена функциональной и институциональной логикой конкретно взятой уголовно-процессуальной системы [24, с. 83].

С принятием Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования системы отправления правосудия» от 31 октября 2015 г. начинается второй этап расширения сферы судебного контроля, характеризующийся постепенным вытеснением прокурорского надзора судебным контролем за санкционированием следственных действий. Данным законом ч. 1 ст. 55 УПК РК была дополнена пп. 13—16 (полномочиями по судебному санкционированию осмотра, обыска, выемки и личного обыска). В настоящее время следственный судья рассматривает вопросы о санкционировании следственных действий, содержащих элементы явного принуждения и вторжения в сферу конституционных прав граждан (наложение ареста на имущество, осмотр, обыск, выемка и личный обыск), морально-этического свойства (экзгумация трупа), международных правоотношений (объявление международного розыска). Ранее эти полномочия (по УПК РК 1997 г.) возлагались на прокурора, однако с учетом того, что прокурор является процессуальным руководителем расследования; лицом, формулирующим обвинение и выносящим акт о предании обвиняемого суду; государственным обвинителем, поддерживающим обвинение в суде — он не в состоянии сохранять объективность и беспристрастность в досудебном расследовании при даче разрешения на проведение следственных действий, полностью переходя на сторону обвинения. Создавшееся положение и послужило основанием для усиления контрольных функций суда за досудебным расследованием и передачи части полномочий по санкционированию следственных действий следственному судье как независимому субъекту, не заинтересованному в исходе конкретного уголовного дела. Поэтому мы полностью согласны с мнением Г. И. Загорского о том, что объективность, справедливость и беспристрастность — основные постулаты, которые должны лежать в основе деятельности органов правосудия [29, с. 105]. А это в свою очередь создаст предпосылки для перехода к последующему этапу расширения сферы оперативного судебного контроля и передаче из компетенции прокурора (ст. 234 УПК РК) в

компетенцию следственного судьи вопросов, связанных с санкционированием негласных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Список библиографических ссылок

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 г. URL: adilet.zan.kz (дата обращения: 17.01.2017).
2. Туякбай Ж. А. Правовые основы государственной политики Республики Казахстан в сфере уголовной юстиции. Алматы: Жазушы, 2004.
3. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000.
4. Люблинский П. И. Процесс как судебный порядок и процесс как правоотношение // Журнал министерства юстиции. 1917. № 1. С. 263.
5. Новое десятилетие — новый экономический подъем — новые возможности Казахстана: послание Президента Республики Казахстан Назарбаева Н. А. народу Казахстана // Каз. правда. 2010. 29 янв.
6. Дорошков В. В. Различные оценки принципа охраны прав и свобод человека // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Моск. акад. экономики и права: Союз криминалистов и криминологов, 2016. С. 94—100.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах. URL: un.org.ru (дата обращения: 17.01.2017).
8. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах: закон Республики Казахстан от 28.11.2005 № 91-111 ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2005. № 21, 22. Ст. 88.
9. Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004.
10. Выступление Председателя Конституционного Совета Республики Казахстан И. И. Рогова на конференции «Конституционная реформа и углубление демократических процессов в Казахстане» 30.05.2007 в Сенате Парламента: «Конституционная реформа — основа для дальнейшей модернизации правовой системы». URL: www.constcouncil.kz (дата обращения: 17.01.2017).
11. Яковлев В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001.
12. Сулейменова Г. Ж. О судебном санкционировании и отмене смертной казни в законодательствах Казахстана и Узбекистана // Юрист. 2007. № 9. С. 84, 85.
13. Насыров Г. Х. Не наступить бы на те же грабли // Юрист. 2007. № 9. С. 65.
14. Петрухин И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.
15. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001.
16. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
17. Михайловская И. Б. Судебные стадии в уголовном процессе. Судебная реформа: проблемы и перспективы. М.: Проспект, 2001.
18. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. О процедуре судебного ареста в уголовном процессе // Санкционирование ареста судом: совершенствование законодательства и правоприменительной практики: сб. Междунар. конф. Астана, 2010. С. 59—64.
19. Цоколова О. И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
20. Деришев Ю. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 79, 80.
21. Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003.
22. Ковтун Н. Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5. С. 15—20.
23. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002.
24. Головкин Л. В. Новая роль судьи при производстве полицейского расследования в уголовном процессе постсоветских государств // Зангер. Вестник права Республики Казахстан. 2010. № 1 (102). С. 82, 83.
25. Петрухин И. Л. Состязательность — основа правосудия // Государство и право на рубеже веков: материалы Всерос. конф. М., 2001.
26. Гуськова А. П., Емельянов В. А., Славгородских А. А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России // Российский судья. 2008. № 4. С. 9—11.
27. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации / А. С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015.
28. Ахпанов А. Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан. URL: <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 20.02.2017).

29. Загорский Г. И. Обеспечение равенства сторон в судебном разбирательстве по уголовному делу
//
Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: материалы
Международ. науч.-практ. конф. М.: Моск. акад. экономики и права: Союз криминалистов и
криминологов, 2016. С. 105—112.

© Адилев С. А., 2017